
Век мой китежный, отражение
Бела-облака в озерце...
От искристой воды свечение,
Отсвет радости на лице

Углядеть я пытаюсь истово.
Обмануться боюсь стократ.
Лишь вода золотится искрами...
Кто ты мне: ни отец, ни брат?..

На твой берег пришла смиренная,
Зорким солнцем всплыву со дна.
Будет истина сокровенная —
Преднабатная тишина.

Обниманья — рассветы ёмкие,
Целованья — денниц пожар —
Нам, земным, поднебесной кромкою
Улыбается Светлояр.

И сокрытый до дня заветного
Предо мной — триедино свят! —
Ты откроешься, семиветровый,
Мил-сердечный мой Китеж-град.

Стон набатный, как сон, срывается,
С колоколен струит вода,
Когда с веком своим встречаются
И прощаются навсегда.

И на крыльях стрижей возносится
Зримый, видимый за версту,
Свет от встречи до неба с проседью
Из отверстых вод в высоту.

СОН-ТРАВА

Близко к сердцу ретивому!
Ближе — не принимай:
Вертопраховы правды,
речей леденистый наст
Промелькнут по весне,
убежав из апреля в май.
Прорастет сон-трава
через почву и через нас.

Чернозём пробивая велением высших сил,
Нам не ведомых до холодов затяжных остуд.
Небесами, наверно, что Бог на руках носил,
Были эти цветы, а теперь на земле растут.

Из-под снега, что землю нагую собой укрыв,
Выйдя к солнцу на свет из погибельнейших тенёт,
Сон-трава лепестками похожа на росчерк крыл
Серафимовски хрупких — в поклон до земли согнёт!

И, немолчны, услышишь пророческие слова:
«Не грусти... Отпусти... Жить позволь и сама живи».
...Сон-трава прорастает всегда и во всём права,
Сон-трава прорастает во имя земной любви.

Многотрудное счастье моё!
Поднимается солнце с востока
И природа себя узнаёт —
Узнаёт в сыновьях ненароком.

Среди сутолок будничных дней,
Среди призрачных дум о высоком,
Кроме сказок, светлей и ясней
Мы согреты лучами востока.

Ну а если покажется мне,
Не жена я, а только невеста —
Где-то мальчик заплачет во сне,
И опять не найду себе места.

Жизнь рассветные гимны поёт.
День взмывает в лучах исполином.
Многотрудное счастье моё,
Наречённое ласково — сыном.

«Переплыть бы раздольну Волгу
По лихому теченью встречу!» —
Так дерзания юности колко
Будоражили кровь и речь.

Растревожена девья память
Ускользящей вспять реки.
Всё, что было, сокрыла заводь
Да угрюмые рыбаки.

Было нас, окаянных, трое —
Ты да я и... река! Река,
Искупавшая нас собою,
Искупившая всё лихое
И сбежавшая в облака...

Распускался красный георгин
Пламенным костром осенних дней...
Это жизнь нам воспевала гимн
Мужества и стойкости своей.
Притчами поведано в веках,
Несмотря на вековечный лёд,
Даже в неподступных ледниках
Георгин-огонь во льду цветёт!
Так, мечом Георгия пронзён,
Враг повержен, взятый на копьё!
Ты, Москвы хранитель испокон,
Имя чти победное своё!
Разбудив азарт ненастных дней,
В смутном сердце веру возроди —
Георгином звонким пламеней
У России гордо на груди.

По птичьему лёту, по зыбкому льду
Весне первоцветной навстречу иду.
Ветра прилетают,
И лёд подъедают,
И дуют в шальную дуду.

И голуби мнутя у кромки пруда,
И смотрят, любуясь, как дремлет вода
До майского срока,
В предчувствии рока —
Могучего таянья льда!

С господних и горних поющих высот
Нисходит сиянье на тающий лёд.
По лужам весёлым,
Взметая подолом,
Весна мне навстречу идёт.

*«Россия — громадная равнина,
по которой носится лихой человек».*

А. П. Чехов

В руках игрушечный калейдоскоп вертеть,
Событья-стёклышки смыкая воедино.
Понять, что пройдена сумбурно жизни треть,
А Дант писал: «...пройдя до половины...»

Зелёных трав неистовая плоть
Истлеет и земле за всё воздаст,
Останутся лишь Слово и Господь,
Всё будет, как предрёк Экклезиаст.

Век золотой осыплется листвой,
Презренным золотом звонко прозвенит.
И под тугой поющей тетивой
Стрела времён нацелится в зенит.

И если Бог — Любовь, и Слово — высь,
Развей обманов прежние думы!
Здесь травы и созвездия срослись
В стране равнин и ливней — словно... мы.

Плывёт. Куда ж нам плыть?..
А.С. Пушкин. Осень (отрывок)
Куда он так быстро?» — шептались ракушки.
«В какие такие торопится страны?..»
Диковинный лайнер по имени «Пушкин»
Летит, разрезая моря-океаны.

Летит, ниоткуда, как чудо, возникший,
Летит в бесконечность, собою рискуя,
Не слыша шуршанья ракушек прилипших,
Сквозь шквалистый ветер и злобу людскую.

...Есть много дорог в неразгаданном мире.
Теряется на горизонте фарватер.
Штурмуй, легендарный, глубины и шири,
Узлом завяжи непокорный экватор.

Века, как виденья, проносятся мимо.
Выносит ракушки на берег сурово...
А в трюмах души, провиденьем хранимы,
Лежат жемчуга самоцветного слова!

В КАФЕ «МАЯК»

На Большой Никитской, в кафе «Маяк»,
Где соперник ночи — табачный дым,
Разливают пойло с клеймом «коньяк»
Разливанно хабалистым, молодым.
И, забыв, что страшного ничего
Нет в жизни, имя которой – ложь,
Ты сидишь и ждёшь только одного...
Впрочем, ничего ты уже не ждёшь!
Ты давненько про всё рассказать хотел.
Вот, мол, был Маяковский чудной мужик!
От идейных тем до лилейных тел,
Маяковский был из чумных прожиг.
Да, видать, притвора ты из притвор.
Лжи прилежно-талантливый ученик.
Расскажи мне, как дружат с тех давних пор
Маяковский, Ося и Лиля Брик!
В закоулках бесятся сто чертей,
Потеснив этот дымный ночной приют.
Мне твой мнимый праздник осточертел,
Не чужой, но чуждой была я тут!
И досада жгуче внутри горит.
Мне сей привкус с недавних времён знаком.
Мне забавно от выпитых «Маргарит»,
Опрометчиво смешанных с коньяком.
Это чёрно-белое домино,
Форте-пьяных клавиш ночной расклад.
В нашем дежавю всё предрешено –
Перепито и спето на разный лад.

В суровой русской предрассветной тишине
 Туманна дымка наступающего дня...
 Но петь не Вам заупокойную по мне,
 Не Вам объездить норовистого коня.

Вы заплутали, видно, в лучшем из времён
 С неверным именем для здешних холодов,
 Где след медвежий колким снегом заметён,
 И лес таёжный — бездна ягод и грибов.

Меж нами — пропасть и студёная зима.
 А Вы посмели потревожить мой покой.
 И если вздумаете вдруг сойти с ума —
 По мне — пожалуйста, но только — не со мной!

«...Но небесные замыслы есть!»

Ю. Кузнецов

«...Значит, я ещё здесь для чего-то нужна, —
 Пусть летит в неизвестность рассветный трамвай,
 Посему решено!» — так устало она
 Повторяла себе: оживай, оживай!

И от счастья рыдать, и от радости взвыть —
 Ты поверь: ничего невозможного нет.
 Никому никогда ни за что не избыть
 Твой пронзительный раненый ранний рассвет.

Небеса... И по ним будут плыть облака;
 А земные трамваи — по рельсам ходить
 И привычно, как няньки, качая слегка,
 И друзей, и врагов, и прохожих возить.

Разве это друзья, если всласть — только власть?
Разве это враги, если им всё равно?
А прохожие что ж? На примете одно —
На фартовый трамвай задарма бы попасть.

Под дождём постоят, но промокнут — едва ль.
И беспечный твой радужный день умыкнут.
И за высшую доблесть — за подлость медаль
На нагрудный карман пиджака пристегнут.

Но смешно неразумных за это корить —
Пусть трамваи баюкают их день за днём,
А тебе остаётся влюбляться и жить,
Лишь бы не забывала, зачем мы живём.

Это всё ничего... осторожной зимой
Пить в вагоне простуженный чай разговоров,
Если каждый глоток возвращает домой
В безвозвратно утраченный юности город.

Но его не нагнать в скоростных поездах,
И тогда упадёт, будто лоб на ладони,
Подорожное небушко на провода,
Покачнётся звезда в путеводном поклоне.

И на станции Н-ской под вскрик проводниц
Я сбегу на перрон и вдохну этот воздух,
Взбудораженный гомоном буженых птиц
В понимающем небе, и слёзном, и звёздном...

Вот примирение — есть и такая пора,
 Гложет и гложет спасеньем от утра до утра —
 Встать и собрать земляники лесной два ведра,
 И примириться с собой, став счастливым как будто.

И примириться с судьбой, что течёт молоком
 И утекает на небо, из вечера в вечер.
 ...И земляничным вареньем и мятным чайком
 Баловать душу, прощая грехи человечьи.

Вот примирения год, или два, или три,
 Не перечесть — в счастье времени не наблюдают.
 Над земляничной поляной взошла, посмотри,
 И воцарилась на небе луна молодая!

Пестуя светом земную людскую юдоль,
 Тех, что спасением живы от утра до утра,
 В ведра с земли собирать то ли боль, то ли боль,
 Чтоб понемногу вкушать, став счастливым как будто.

«А я развеян ветрами...»

Гарсия Лорка

Обещанья мужские недорого стоят —
 Легковесней пуха, прочней пера!
 Ничего, мой хороший, ломать — не строить,
 Знать, боярышнику вызреть пришла пора...

Правды — ни на грош: не сентябрь — истома.
 Драгоценный мой, не продешевил:
 Увлечениями ветренными влекомые
 Недалече бегают от любви!

Не случайно сказано: «смерть — полушка»,
Отцветает и отгорает влёт!
И зардевшейся барынькой-хохотушкой
Осень (царственная побирושка!),
Все плоды пособрав в подола, придёт

И упрямо посмотрит — молча, мороча,
Обметая равнины красой-листвою.
Мокнуть под дождём нету больше мочи,
...Раскидал боярышник своё узорочье —
Раскидало по осени нас с тобой.

Оправдаться неужто достанет духа?
Но, не веря обещаниям и дарам,
Пожелаю себе ни пера ни пуха,
А тебя посылаю ко всем ветрам!

*«Совсем не знак бездушья молчаливость.
Гремит лишь то, что пусто изнутри».*
Вильям Шекспир

Прости моё безмолвие... Прости меня!
Октябрь. Листопад. Огонь и ярь...
Такая грусть в твоём нездешнем имени!
Как беспощаден к людям календарь!

Ведь, заглядевшись в небо ртутно-серое,
Твою любовь как боль я приняла,
И хоть в добро давно уже не верую,
Ты не ищи в моём молчанье зла.

В земном расчёте нет небесной выгоды,
Подводных обличительных камней.
Пускай ветра твои обиды выдуют
И внове приведут тебя ко мне.

И недомолвок облака-отметины
Разгонят во далёко — не видать.
Я на твои слова душой ответила,
Вот только не осмелилась сказать.

Сквозь частые дожди и ожидания,
Что дарит нам природа напогляд,
Любовь пробьётся сумрачным сиянием,
Каким богат золотный листопад.

Здесь петляют дорожные дали,
Фонари в полумраке дрожат.
Здесь расхристанный ветер распяли
Или взрезали дождь без ножа...

Здесь на тех, кто столь юн, сколь отчаян,
Путеводные смотрят огни.
И гостей здесь встречают не чаем,
Ближе ближних отныне они.

Перебежная тропка-дорожка,
Порубежные веси-края:
Ехать в сторону счастья сторожко
От другой стороны, где семья.

Уезжают всегда от кого-то,
Было б только к кому уезжать...
Эта странноприимная квота
В двух словах — провожать и встречать.

Качели, замершие в воздухе,
Что это: выдох или вдох?
Для передышки или роздыха —
Переворот, переполох...
Минувшее сомкнулось с будущим,
Ни слёз не ведая, ни зла.
И Родина, примерив рубище,
Стальной розой проросла.
И — строились идеи-крепости,
Искали перемен ветра,
Отринув незавидной крепости,
Обломки прежнего «вчера».
И все-таки, кто мог раскачивать,
Летящие из века в век
Качели Родины растроченной,
Что это был за человек?!
Мы сами породили новое,
В железно-страшный век летя,
Войны разгневанно-пунцовое
Жестокосердное дитя.
И пройдено немало вроде бы.
Но сколько призрачных обид!..
Ветра качельные над Родиной.
...И небо Родины кровит...

Да, не каждому выйдет сегодня по росту
Прочитать на коре письма,
Что таит белоснежная наша берёста
Или сполох небесного льна.

Не для каждого вьюга круги свои нижет,
Поднимаясь над вещей землёй
И, восстав из-под спуда, нетленные Кижы
Воздымают надмирный конвой.

Проходя русский путь от печи до погоста,
Будь святой ты, бандит или тать,
Это просто, поверь мне, чудовищно просто
По обугленным письмам гадать.

Современность стирает времён позолоту,
Расплетается темень-тесьма...
Нет надежнее и сокровенней оплота,
Чем берёстовый росчерк письма.

...И пусть чащобный мир не так уж прост,
А прежний лес — давно не древостой...
Под небом из земли лесной подрост
Восходит сочной, яростной листвой.

Он скоро сильным лесом зашумит —
Приют лисиц, волков, для песни кров...
Для сказки новой присказку растит,
Посыльную до крёстных облаков.

Он скоро в полный голос, в полный рост
Так крону распрямит и запоёт,
Могучим лесом вызревший подрост...
Напрасно мир не брал его в расчёт!..

За каждой веткой деревцем дыша,
За каждой тропкой — таинством грибниц.
Ты только приглядишься и сделай шаг
В приют для песни, кров зверей и птиц.

И музыкой, и музой осиян,
Он «щит и меч»: цветы, шуми и пой!..
И превращай поэзию славян
В неукротимость поросли молодой.

Что внукам своим мы однажды ответим —
Ответ не готов и не нов...
Что помнят забывшие, бывшие дети
«Лихих девяностых» годов?
Взрослея до срока, подростки-подранки,
Под стадный разгром площадей,
Мы помним, как двигались русские танки
На русских угрюмых людей.
На сумеречном рубеже-парапете
Последних иллюзий чертог:
Что вспомнят однажды вчерашние дети?
Над городом пепельный смог.
Предательски памяти вспышки мелькают
О где ты, отважный герой?
Ужели не важно, ты Авель иль Каин,
Идущий на братский убой?

Белый сокол, чёрный ворон
Два исчадия войны.
Кто нам друг и кто нам враг? —
Нам, просившим тишины.

Даль туманную заснежит
Полночи и полдня взвесь.
Тошно жить и злобу нежить,
Ведь судьбины не отвести!

В светлой жизни, мрачной смерти —
Розы не свежее ран...
Вона как крылами вертят,
Смертьте гнев, гордыню смертьте,
Белый сокол, чёрный вран!

Чтоб в бою и на гулянье,
Побеждая непокой
Постоянством, покаяньем,
За терпенье — воздаянием
Брезжил свет в душе людской!

Битва гремит нескончаемо, друже!
Воина путь — это путь русака.
Каждому свыше дарует оружие
Тот, чья любовь нас хранила века.

Вихри вселенские, вихри мятежные...
Воздух полынный впервой ли вдыхать?
А за окном смотрит с тихой надеждою
Родина-Русь, синеокая мать.

Ох и намаялась милая с чадами,
Что, презирая житейский правёж,
В тысячный раз засевают снарядами
Поле, когда-то родившее рожь.

В пули отлитая вольная волюшка
Прожекторами сторающих звёзд.
Это сражение — русская долюшка.
Бранное поле. Победный форпост.

То тюркская, то скифская царевна...
Две крови древних напитали вены,
Сражаются, вращая жизни ось,
В них страсть и нежность, доброта и злость.

Две стороны одной луны мерцают.
И я за обе, как могу, молюсь...
Когда клянут друг друга Золотая
Орда-беда и грусть — Святая Русь.

Наследье предков — роковая мета!..
Не потому ль характер мой суров?
В нем царствует татарин Сейдаметов
И властвует казак — Пономарев?

Правители судьбы моей строптивой,
Два рода: кочевой и боевой —
Кресало и кремь, а я — огниво
Фамильной жгучей связи родовой...

Что нам за жизнь разговаривать,
Что нам гадать на-гора?..
Жизнь — толокно или гарево?
Завтра. Сегодня. Вчера.
Сколько похлёбку ни взваривай,
Не избежать заварух,
Зарево, марево, варево —
Из молодых и старух.
Старая? Малая? Что теперь?
Не разгадать напрямик.
Жизнь — долгожданная оттепель,
В будущность рвущийся крик!
Песня к рассвету поспела, и
Зорька, как мать, тяжела.
Зоркою яблоней белою
С новой весной расцвела...
Много под яблоней этою
Спето-сговорено слов,
Что нам на жизнь нашу сетовать,
Муку в муку измоллов.
Дверь притвори в доме стареньком
И, не гадая, молчи!
...Жизнь потихоньку уставится,
Словно заслонка в печи.